

Политические настроения крестьян Гомельщины в 1920-е годы

С.М. Генчикова¹, А.Д. Лебедев²

Проанализированы особенности политических настроений крестьян Гомельщины в 1920-х гг. Рассмотрена проблема взаимоотношения власти и населения. На конкретных примерах показано доминирование преимущественно антисоветских настроений среди крестьян.

Ключевые слова: Гомельщина, власть, РКП(б), крестьяне, политические настроения.

The features of political attitudes of Gomel peasants in the 1920s are analyzed. The problem of the relationship between the government and the population is considered. Specific examples show the predominance of mainly anti-Soviet sentiments among the peasants.

Keywords: Gomel region, power, Communist party, peasants, political mood.

В 1917 г. в результате Октябрьского вооруженного переворота к власти пришли большевики. Новый режим привлекал часть населения популистскими лозунгами и спецификой аграрной реформы, в ходе которой всем трудящимся гарантировалась земля, отобранная у «эксплуататоров» [1, с. 63]. Крестьянство, составлявшее в начале 1920-х гг. 82 % от общей численности жителей Гомельской губернии, страдало от малоземелья и жаждало справедливого, в понимании крестьян, распределения земли помещиков. В этом аспекте революционная социалистическая пропаганда находила отклик среди крестьян.

Первая мировая война, немецкая оккупация, советско-польская война, гражданская война, действия на территории Гомельщины различных бандформирований, постоянный переход власти от одной политической силы к другой, окончательно «вымотал» местное население. Политические настроения крестьянства Гомельской губернии в 1920 г. можно охарактеризовать следующими словами: «Нехай будет какая-либо власть, лишь был бы хлеб, соль, керосин, плуг, коса и т. д. Перестали бы воевать и нас бы не тревожили» [2, с. 277].

Часть сельского населения в губернии, как и по всей стране, выражало недовольство политикой «военного коммунизма»: трудовой повинностью, принудительной мобилизацией в Красную Армию, запретом на свободную торговлю, продразверсткой и др. Отрицательно влияли на настроения крестьян и факты о гибели или порче, собранных по продразверстке продуктов их деятельности [3, с. 188]. Крестьянское сопротивление проявлялось в вооруженных выступлениях, убийствах членов комбедов, которых зажиточные крестьяне называли «объединениями лодырей» [4, с. 130]. В Корме в 1919 г. часть местного населения и крестьяне, обозленные политикой большевиков, разгромили местную партийную ячейку и милицию. В результате 3 коммуниста были убиты, 2 тяжело ранены [5, л. 128]. В Малодушской волости Речичского уезда были убиты несколько бойцов продотряда [6, с. 128]. В деревне Столбун Ветковской волости жители совершили самосуд над представителем губпродкома Шаламенко, который застрелил гражданина Маслова [7, с. 120].

В 1920 г. в ряде волостей Гомельщины были созданы посевные комитеты, основной целью которых являлось «проведение в жизнь мероприятий Советской власти, направленных на улучшение крестьянских хозяйств». При этом запасы крестьянского зерна объявлялись «неприкосновенным зерновым фондом», которым сами владельцы распоряжаться не могли. Все это способствовало росту недовольства крестьян Советской властью [8, с. 71]. В Гомеле в 1920 г. на заседании работников волисполкомов уезда выступающие говорили о том, что «подводная [транспортная – Авт.] повинность ложится тяжелым бременем на население волости, и, если и было какое-то сочувствие к Советской власти, то подводная повинность убила его...» [9, с. 126].

Негативная реакция крестьянского населения Гомельщины на политику власти усугублялась общими социально-экономическими условиями: периодическими неурожаями, эпи-

демиями, недостатком семян. В марте 1921 г., по воспоминаниям участника гражданской войны Г. Лелевича, «Гомельская губерния была охвачена огнем бандитизма. В губернии действовал ряд банд, которые убивали коммунистов, советских работников, совершали еврейские погромы» [8, с. 69]. Все это происходило при помощи антибольшевистских и антисоветских сил, бандитских отрядов, к которым примыкали крестьяне [10, с. 35]. Анализируя причины упорства и продолжительности антисоветского движения в Гомельской губернии в марте–апреле 1921 г. глава ГубЧК Розенберг отметил отсутствие доверия со стороны населения к коммунистическим ячейкам [11, с. 31]. Осенью 1921 г. в Гомельской губернии насчитывались десятки формирований, открыто выступающих против Советской власти с оружием в руках. Только в одной «банде» в Речицком уезде насчитывалось до 300 человек [12, с. 258].

После введения НЭПа в марте 1921 г. были приняты ряд решений, согласно которым продразверстка заменялась продналогом (с 1923 г. единого сельхозналога), происходил свободный выбор форм хозяйствования на земле и переход к добровольной кооперации и т. д. Это на некоторое время снизило остроту недовольства властью и обеспечило политическую стабильность в обществе [13, с. 50]. НЭП был поддержан и крестьянством, но часть сельского населения не верила в новую политику, говоря что «все обещанные блага пока остаются только на бумаге...» [9, с. 129].

Развитие экономики находилось в тесной зависимости с налоговой политикой, которая носила классовый характер, в результате чего основная тяжесть налогового обложения пришла на зажиточные слои населения. По свидетельству архивных документов «налоговый террор» стал реальной проблемой сельского населения в первой половине 1920-х гг. [1, с. 184]. Среди крестьян можно было услышать разговоры о том, что советская власть «грабит мужика» так же, как это делали чиновники при царе.

В марте 1922 г. крестьянские выступления были зафиксированы в нескольких уездах Гомельской губернии. Повстанцы разгоняли советы и исполкомы, оказывали вооруженное сопротивление заготовителям продуктов питания, имелись случаи убийства партийных и советских работников. Отмечалось, что в Недойской волости «взбунтовались» три деревни [14, л. 57], в Наровле продналог брался вооруженной силой. При этом начальник районной милиции в отчете от 20 апреля 1922 г. отмечал, что население «склонно к бандитизму». В Калининчиках и Домановичах настроение крестьян также оценивалось как неудовлетворительное, были недовольства в связи с продналогом, в результате которого у людей забирали даже семена. «Население в Лоеве не весьма хорошо относится к власти, но благодаря воинским частям открытого выступления нет. Население ожидает бандитизма и надо полагать, что при появлении будет поддерживать его», – отмечал начальник местной милиции [14, л. 77]. Дарья Михайловна Стаценко, жительница Лоева, вспоминала, что в марте 1922 г. ее отозвали на комсомольскую работу в родное местечко. Когда она вместе с другими комсомольцами проводила в деревнях работу по выборам в местные Советы, на них напала группа вооруженных людей, и они «едва остались в живых». «Работать было очень опасно, так как не всем людям нравилась Советская власть, и они вели с ней вооруженную борьбу» [8, с. 71].

Нарекания на налоговую политику со стороны крестьян были небезосновательными. Гомельский губернский комитет в отчете в секретариат ЦК РКП о политическом состоянии Гомельской губернии за сентябрь–октябрь 1922 г. констатировал: «... мы берем с крестьянского хозяйства налогов больше, чем брало царское правительство» [15, л. 15].

Волостные конференции 1924 г. прошли «сплошь под знаком жалоб крестьянства на непосильность налога и даже некоторых угроз его невыполнения» [15, л. 109]. Неподъемный размер сельхозналога для ряда крестьянских хозяйств подтверждает и доклад о работе милиции в период сельскохозяйственной кампании 1924 г., где отмечается, что «число неплательщиков постоянно растет, налоги выплачиваются не вовремя». «Бедняки говорят, – сообщает докладчик, – ...и рад бы уплатить, да нет чем... берите уже последнюю корову...» [7, с. 128]. Гомельский губернский комитет РКП обратился с просьбой в ЦК РКП о снижении налога на 350 тыс. руб. для крестьянства губернии, однако получил отказ [15, л. 125]. Чтобы принудить сельское население к скорейшему взносу сельхозналога, применялись меры ад-

министративного воздействия путем заключения отдельных граждан под стражу до вноса ими налога. После предъявления квитанции о сдаче налога они освобождались [9, с. 139]. Было произведено 1900 описей имущества крестьян, 1700 дел было передано в суд, крестьяне были оштрафованы на общую сумму в 2200 руб., у 50 неплательщиков отчуждено имущество и т. д. В результате административного нажима сельхозналог был выполнен на 82 %. Вместе с тем, репрессивные действия власти привели к резкому увеличению «политического террора» [15, л. 125, 126], и «развитию бандитизма» [16, л. 17].

В спецсводках за 1925–1926 гг. нередко указывалось на отсутствие у части крестьян запасов хлеба, семян уже в зимние и весенние месяцы. Например, в апреле 1925 г. в селе Лапичи Гомельского уезда 35 % хозяйств стояли перед выбором: использовать зерно для употребления в пищу или оставить его для посевных работ; 50 % хозяйств вовсе не имели хлеба и семян [17, л. 252]. В декабре 1926 г. в деревне Копище Глушковичского сельсовета Лельчицкого района «запас собранного хлеба уже вышел у 90 % всего населения, у остальных хватит до апреля». При этом поступление сельхозналога составляло в Кормянском районе – 95,7 %, в Лельчицком – 89,6 %, Туровском – 86,5 %, Калинковичском – 83,9 %, Копаткевичском – 78,8 %, Озаричском – 78, Наровлянском – 78,1 % и др. Крестьяне, чтобы купить хлеб, были вынуждены уезжать на заработки в «Украинлес» [18, л. 13].

Недовольство налоговой политикой Советской власти прослеживается на протяжении всего периода 1920-х гг.: «за 7 лет существования Советской власти крестьяне от нее, кроме налогов ничего не видели...» (февраль, 1925 г.) [17, л. 66], «...Советская власть едет на нашей шее, вот когда они подумают облегчить нас с налогом?» (октябрь, 1928 г.) [19, л. 57]. Примечательно, что отношение крестьян к Советской власти менялось от «лояльного и удовлетворительного» к «враждебному» в период сбора продналога и перед посевной кампанией, что характеризует политические настроения крестьян как неустойчивые, напрямую зависящие от экономического положения сельского населения.

Помимо высоких налогов раздражала крестьян дороговизна жизни и отсутствие товаров. «Разве это мыслимо, – сетовал на собрании середняк Е.А. Тишков, – чтобы на XI году революции нельзя было достать подошвы на сапоги». «Ну, что хвалиться перед людьми, мы же не дети и знаем, чего мы достигли, хлеб доходит до 4 р. пуд, фунт булки стоит 40 коп., одна пара передов на сапоги стоит 6 р., пара подошв – 5 р., да и то купить это можно только у частного, а в кооперации не достанешь», – говорил крестьянин П.Ф. Черноокый на собрании после доклада председателя Василевичского Сельсовета Тереховского района в 1928 г. [19, л. 59].

Нередкими были случаи, когда крестьяне Гомельщины, сравнивая свое положение до Октябрьской революции и в период советской власти, делали выводы не в пользу последней. Часто слышны были суждения, что Советская власть ничем не отличается от прежней, если не хуже, что «нет различия между теперешними партийцами и бывшими дворянами» (1925 г.) [17, л. 28], «как при царской власти плохо жилось мужику, так и теперь» (Рычевский сельсовет, Туровский район, 1927 г.) [18, л. 67]. Это было связано, как уже отмечалось выше, с налоговой политикой большевиков («при царе мы платили за все время столько, сколько теперь платим в один год») [17, л. 213], а также бюрократией советского аппарата («в старое время было меньше налогов, потому что служащих было меньше, где работал один старшина, там теперь сидит 20 человек служащих и каждому надо платить») [18, л. 24], отсутствием возможности заработать на отхожих промыслах. Среди зажиточных крестьян также наблюдалось недовольство национализацией банков и потерей в нем своих средств, землеустройством (перераспределение земли), высокими сельхозналогами, отсутствием льгот и др. [17, л. 111].

Так, в деревне Корниловцы Речицкого уезда в 1925 г. в день свержения самодержавия проводилось общее собрание крестьян. Председатель волостного комитета РКП Сердюков отмечал, что свержение произошло на почве безработицы и большого голода. После его доклада выступил житель хутора Дубки С.М. Чернявский – зажиточный крестьянин, лет 23–24, который сказал, что «Если при Николае II были безработица и голод, то в настоящее время они в тысячу раз больше; первая революция пошла на пользу небольшому количеству лю-

дей, а сейчас много простого люда ждут новой революции, которая свергнет власть коммунистов и ту часть населения, которая их поддерживает» [17, л. 244]. Некоторые крестьяне были уверены, что в скором времени будет свергнута Советская власть и произойдет восстановление монархии. Например, через 9 лет после свержения самодержавия крестьянин Какуевичского сельсовета Калинковичского района хранил «николаевские деньги», считая, что «хозяин их скоро вернется» [20, л. 10]. А в январе 1927 г. в деревне Лясковичи Петриковского района середняк Жогло Александр заявлял, что «пока не было этой злодейской власти, так всем было хорошо жить, а теперь надоели обманом, раньше сказали, что все ваше, а на деле нет ничего. Ну, ничего, дождемся скоро, что советской власти не будет, а на престол сядет наследник Алексей Николаевич» [18, л. 67].

Стоит отметить, что были и противоположные мнения. Например, в 1926 г. во время празднования 1 Мая в Наровлянском районе житель одной из деревень Александровского сельсовета Слизенко Станислав Иванович на общем собрании высказывался следующим образом: «Прожили мы в своей деревне при царизме несколько лет, и ничего нам царское правительство не дало, а за 9 лет существования советской власти мы уже имеем новую школу, учителей и советская власть заботится о весенних посевах для нас» [20, л. 11].

Советская власть воспринималась крестьянами в лице тех ее представителей, с которыми ежедневно сталкивались сельские жители [21, с. 67]. В 1921 г. глава ГубЧК Розенберг одновременно жаловался в своем докладе на отсутствие «честных и опытных партийных работников». Среди главных «недостатков» советской работы, которые вызвали справедливое негодование местного населения, Розенберг вынужден был перечислить: «бездеятельность, расхлябанность, халатность, хищения, приписки». Спекуляция, взяточничество имели характер повседневности среди многочисленной армии совслужащих, контролеров, заготовителей и т. д. [11, с. 31–32]. Некоторые статистические данные, приводимые в отчетах ГубЧК, красноречиво свидетельствуют о низком качестве власти, аморальности поведения ее представителей [14, л. 74].

Были случаи, когда население обращалось к высшей власти, желая пробить толщу бюрократической неразберихи и безответственности. Апелляция в верха виделась как эффективный способ добиться благоприятного решения проблемы. «Куда не обратишься во власть, то нигде концов не найдешь. Так было только при царизме, но теперь – власть рабочих и крестьян, то должно для каждого рабочего и крестьянина. Все законы, издаваемые высшим органом из центра, должны приводиться везде и повсюду Советской Республики точно и справедливо», – пишет в 1921 г. группа крестьян Гомельской губернии, недовольная действиями местного начальства [21, с. 33].

Местная власть в 1920-е гг. не представляла собой слаженного механизма. Должности занимали порой случайные люди, которые совершенно не разбирались в вопросах местного хозяйства и не понимали задач своей работы. Возможно, это было связано с низким образовательным уровнем и недостатком профессионализма сотрудников локальной администрации. Например, в Скрыгалово Мозырского уезда партийная комиссия обнаружила, что роль сельсовета сводилась к выдаче справок и удостоверений. В письме прокурору население данного местечка жаловалось, что председатель налоговой комиссии жил за счет взяток и часто злоупотреблял своим положением. В Копаткевичах в 1925 г. председатель комитета взаимопомощи приходил на работу пьяный, устраивал драки, стрелял из револьвера [1, с. 114, 338]. В Мозырском округе некоторые представители местной власти считали, что «выругать крестьянина и покрыть его матом – чрезвычайно полезно» [22, л. 62]. В докладе «О состоянии и деятельности низового Советского и кооперативного аппарата Кормянского района» в ноябре 1928 г. отмечалось, что в районе имеются злоупотребления, использование своего служебного положения в личных целях, пьянство, бездеятельность, незаинтересованность в работе и др. Эти нарушения выявили в 9 сельсоветах из 15 [19, л. 63].

Вышеуказанные факты приводили к тому, что крестьяне зачастую отзывались о местной власти отрицательно. У населения было твердое убеждение, что на местах искажают политику центральных властей, причем не только извращают законы, но и сознательно не информируют о тех или иных законодательных актах [23, с. 236]. Малообразованное местное

руководство, а тем более сельские партийцы не всегда могли грамотно объяснить политику советского государства. А многочисленные листовки и плакаты призывали крестьянство только к выполнению очередного задания партии и правительства [24, с. 27].

В протоколе III Гомельской окружной партконференции, проходившей в 1928 г., говорилось о колоссальном увеличении количества жалоб населения на местные органы власти, поступавших в Центральный аппарат. Об этом свидетельствуют и цифры: за 1927 г. было подано 2900 жалоб, а в 1928 г. доходило до 1000 жалоб только за месяц. 36 % поступивших жалоб было от крестьян, 20 % – от рабочих, около 19 % – от служащих, около 20 % – от различных государственных учреждений. Больше всего жаловались на бюрократизм и волокиту в советских учреждениях (20 %), на нарушение трудового законодательства (14 %), на злоупотребление служебными полномочиями (11 %), на неправильное решение земельного вопроса (11 %), на неправильное взыскание налогов (5 %) и др. [22, л. 75].

В результате крестьянство по-разному воспринимало центральную и местную власть. Обычными были рассуждения, вполне отвечавшие традиционному мировоззрению в духе «наивного монархизма», что «власть в центре хорошая, а здесь, на местах, работники плохие» [23, с. 236]. Отношение к центральной власти также характеризуют настроения населения Гомельщины в связи со смертью В.И. Ленина в январе 1924 г., сообщение о которой «взбудоражило всю массу трудящихся. Впервые крестьянство было охвачено в такой же мере, как и рабочие города» [25, л. 85]. В спецсводках отмечалось, что многие служащие и рабочие искренне переживали его смерть [26, л. 1]. Среди крестьян Гомельщины ходили слухи, что кончина В.И. Ленина неблагоприятно отразится на советской власти и положение крестьян ухудшится, так как Ленин защищал их интересы, капиталистические страны объявят войну и произойдет переворот. Также ходили разговоры о том, что Ленина отравили, «стараясь изжить Калинина [...], что лучше бы умер Троцкий, и что хоть бы Бог дал, чтобы вместо Ленина был не еврей» [27].

Таким образом, пассивно-лояльное отношение населения к советской власти в принципе нередко сопровождалось активным неприятием повседневной деятельности местных органов власти [23, с. 236]. В результате сельское население, как правило, уважало тех служащих, которые не участвовали в насаждении советских ценностей и пропаганде кампаний власти, то есть были «нейтральны» [1, с. 115–116]. Показательным является донесение ГПУ за апрель 1925 г.: «В селе Вылево Ветковской волости Гомельского уезда школьный работник Малашкевич работает хорошо, неуклонно проводит советскую линию, но в связи с этим у крестьян особым авторитетом не пользуется» [17, л. 220].

Уже в начале 1920-х гг. советская власть рассматривалась населением как власть коммунистов. «Говорят и пишут о Соввласти, как о власти рабочих и крестьян, а власть фактически – коммунистов, и даже не рабочих, ибо обыкновенных рабочих увольняют, а остаются только коммунисты», – вот мнение большинства крестьян Гомельской и Добрушской волости в 1925 г. [17, л. 112]. В 1926 г. в спецсводках ГПУ были упомянуты случаи, когда крестьяне к советской власти относятся доброжелательно, а к компартии – безразлично [20, л. 11]. Сказывалось недовольство присылаемыми на село кадрами, не всегда знакомыми с крестьянской жизнью. «Привилегированный слой, получающий хорошее жалование, хорошо живущие, получившие для себя, благодаря революции все блага и не заботящиеся о положении крестьян», – таково было мнение о коммунистах основной массы крестьян Гомельщины, сложившееся к середине 1920-х гг. [17, л. 213].

Вместе с тем, часть крестьян стремились вступить в партию, пытаясь таким образом качественно изменить социальный статус и уровень жизни, обезопасить себя от трудностей, связанных с ведением крестьянского хозяйства в условиях нэпа. Присоединение к слою служащих даже в низших звеньях аппарата управления давало вчерашнему крестьянину определенные социальные гарантии в виде устойчивого заработка, профсоюзных льгот и т.п. Психологическим фактором такого перехода в служащие, возможно, было стремление приблизиться к городскому образу жизни, избавиться от ощущений второсортности, в высказываниях многих крестьян того времени [28, с. 50]. Заявления о приеме в партию на Гомельщине

подавали в основном представители крестьянской бедноты и демобилизованные красноармейцы из их числа. В январе 1923 г. в отчете о состоянии Гомельской губернской организации РКП(б) и политическом состоянии Гомельской губернии отмечалось: «Тяга и приток в ряды РКП и РКСМ в деревне с каждой неделей принимают все большие размеры. При желании принять всех подавших заявления о вступлении в партию мы могли бы в течение одного месяца количество организации увеличить не менее чем на 1000–1500 человек». Однако, исходя из идеологических позиций, партия сдерживала прием в свои ряды сельских жителей. Например, в Гомельском уезде на январь 1923 г. из 150 имевшихся заявлений от крестьян за 2 месяца на звание кандидата в члены РКП(б) было одобрено только 6 [15, л. 30]. В результате небольшого числа коммунистов-крестьян возникали натянутые отношения с коммунистической партией. Не способствовало хорошему отношению к ней крестьян и антирелигиозная политика большевиков: «Крестьянство у нас очень темное, и если скажешь ему, почему не вступаешь в партию, то отвечают, что я бы вступил бы, но тогда придется выносить бога с хаты», – отмечалось на заседании Буда-Кошелевского райкома в ноябре 1928 г. [29, л. 8].

Основная часть сельского населения не верила РКП(б), считали её «городской» организацией, выражающей интересы рабочих. В результате возникло явление, получившее название «ревности к городу». О повсеместной среди сельских жителей «ревности к рабочим» свидетельствуют многочисленные документы 1920-х гг. Например, «крестьяне остались вдали от власти, а рабочие сидят на нашей шее» (1924 г.) [25, л. 112], «рабочие по сравнению с нами [крестьянами – Авт.] живут гораздо лучше, получают хороший заработок; в то время, когда крестьянам на ближайшую весну не будет чем засеять поле. Союзу между деревней и городом не может быть, так как Советская власть рабочего во всем поддерживает, а с крестьянина сдирает последнюю шкуру», «рабочие – это сынки для советской власти, а мы – пасынки» (1925 г.) [17, л. 112, 165]. Показательным в этом отношении является то, что крестьяне редко использовали слово «мы», которое применялось бы в виде объединения РКП, рабочего класса и крестьянства, чаще употребляли «мы» и «вы» [17, л. 161].

Стоит отметить, что политическая позиция крестьянства далеко не всегда проявлялась в открытых формах, таких как борьба за влияние на местные органы управления, критика или активная поддержка мероприятий государства в отношении деревни, противостояние власти, доходящее до восстаний. Она заключалась и в повседневном молчаливом, пассивном согласии или несогласии с мероприятиями власти. Крестьяне зачастую не понимали политическое содержание тех или иных партийных программ. Они реагировали не на слова, а на реальные действия большевиков, и именно на те, которые касались их непосредственно. А политика новой власти часто шла в разрез с представлениями крестьян о справедливости, разумности, их интересами и потребностями. Крестьяне не чувствовали защиты со стороны государства. Они в большинстве своем не верили в светлое будущее при коммунистической власти. Революция, обманувшая надежды основной массы крестьян по справедливому перераспределению земли, не принесшая улучшения, была непонятна сельчанам.

Литература

1. Замоийский, А.С. Трансформация местечек Советской Белоруссии 1918–1939 / А. Замоийский. – Мн. : И.П. Логвинов, 2013. – 418 с.
2. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4-х т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – Т. 1. 1918–1922 гг. – 864 с.
3. Мурашко, М.Н. Развитие сельскохозяйственного производства в Гомельской губернии в условиях НЭПа / М.Н. Мурашко // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы : матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гомель, 30.09 – 1.10.2010 г. / Гомельскі дзярж. ун-т. імя Ф. Скарыны ; рэдкал.: Р.Р. Лазыко (адказны рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2010. С. 187–191.
4. Трифонов, И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР / И.Я. Трифонов. – М. : Политиздат, 1975. – 406 с.

5. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 100. – Оп. 1. – Д. 626.
6. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Рэчыцкага раена : у 2 кн. / Уклад. П.П. Рабянок. – Мн. : Беларусь, 1998. – Кн. 1-я. – 503 с.
7. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Веткаўскага раена : у 2 кн. / Уклад. У.Я. Райскі – Мн. : БЕЛТА, 1997. – Кн. 1-я. – 376 с.
8. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Лоеўскага раена / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] – Мн. : БелЭН, 2000. – 792 с.
9. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Гомельскага раена : у 2 кн. – Мн. : БЕЛТА, 1998. – Кн. 1-я. – 376 с.
10. Пушкін, І.А. Узброены супраціў ва Усходняй Беларусі (20–30-я гады ХХ ст.): дакументы і матэрыялы / І.А. Пушкін. – Мн. : Медысонт, 2009. – 192 с.
11. Стужынская, Н.І. Беларусь мяцежная: з гісторыі ўзброенага антысавецкага супраціву ў 20-я гг. ХХ стагоддзя / Н. Стужынская. – Мн., 2012. – 362 с.
12. Такоева, И.Т. Гомельская губерния: как все начиналось. Неизвестные страницы / И. Такоева ; под общ. ред. В. Дворника ; науч. ред. В. Лебедева – Гомель : Редакция газеты «Гомельская праўда», 2014. – 288 с.
13. Пархімовіч, М.М. НЭП у беларускай вёсцы: на пачатку шляху / М.М. Пархімовіч // Веснік БДУ. – 1991. – Серыя 3, № 2. – С. 45–53.
14. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1371.
15. ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1345.
16. ГАООГО. – Фонд 69. – Оп. 1. – Д. 161.
17. ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 2750.
18. ГАООГО. – Фонд 69. – Оп. 1. – Д. 1045.
19. ГАООГО. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 409.
20. ГАООГО. – Фонд 69. – Оп. 1. – Д. 710.
21. Лившин, А.Я. Власть и общество: Диалог в письмах. / А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – М. : «РОССПЭН», 2002. – 208 с.
22. ГАООГО. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 393.
23. Кудюкина, М.М. Крестьянство и власть в 1920-е годы / М. Кудюкина // Крестьянство и власть в истории России XX века: сб. научн. ст. участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.) / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. – М. : ООО «АПР», 2011. – 472 с.
24. Бяспалая, М.А. Беларуская вёска ў 1921–1927 гг. : аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02 / М.А. Бяспалая. – Мн. : Беларускі інстытут культуры, 1999. – 38 с.
25. ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 1345.
26. ГАООГО. – Фонд 69. – Оп. 1. – Д. 210.
27. Из специальных политсводок ОГПУ в Кремль о реагировании населения на смерть В.И. Ленина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://hist-etnol.livejournal.com/3241215.html>. – Дата доступа : 15.11.2018.
28. Рытов, А. Формирование новой социальной иерархии в БССР в 1920-х годах / А. Рытов // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2007. – № 7. – С. 46–51.
29. ГАООГО. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 430.

¹Средняя школа № 62 г. Гомеля

²Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины